

Земные цветочные духи, конечно, не могли сравниться благородством и чистокровностью с небожителями. Звездные монархи Яогуан и Юйхэн не упускали случая выразить свое недовольство, сокрушаясь, что их названного брата окончательно сбили с пути истинного.

Даже звезда-помощник Фу, верный хранитель Кайяна, не раз заводил унылые разговоры, уговаривая его прекратить эти сомнительные свидания с земной нечистью, дабы не ронять достоинство небесного воинства.

Он с завидным упорством твердил, что если слухи дойдут до ушей Тайбая Синцзюня или других ревнителей догм — старых зануд, обожающих совать нос в чужие дела, — те непременно нашепчут Тянь-ди невесть что.

— Наш Тянь-ди правитель неплохой, да только больно доверчив, — ворчал Фу. — Стоит кому-то подлить масла в огонь, как он тут же вспыхивает. Зачем ты сам даешь им в руки оружие против себя?

Впрочем, Кайян все эти предостережения пропускал мимо ушей. Стоило выдаться свободной минутке, он привычно ускользал в земной мир, чтобы провести время с Ляньхуа-цзином.

Редкие дары от Тянь-ди или матушки Ванму Няннан, изысканные гостинцы от друзей-небожителей — всё это Кайян бережно прятал в рукавах и уносил вниз, чтобы порадовать своего подопечного.

Так что в желудке Ляньхуа-цзина бесследно исчезали и чудодейственные пилюли Тайшан Лаоцзюня, и припрятанный Босоногим бессмертным Чицзяо Дасянем драгоценный нектар, и даже лунные пряники, испеченные самой богиней Чанъэ.

— Ты просто переводишь ценности на грязь, мечешь бисер перед свиньями! — качал головой Звездный монарх Яогуан, сокрушенно вздыхая. — С такой заботой этот сорняк скоро совсем сядет тебе на шею.

— Простые смертные нянчат своих детей от силы несколько десятков лет, — парировал Кайян, прищурившись, — а я растил его несколько тысяч лет, прежде чем он смог принять человеческий облик. И кого мне, по-твоему, баловать? Тебя, что ли?

От подобной наглости Яогуан едва не задохнулся.

Но вот настал день великого персикового пира. Получив заветный плод бессмертия, Кайян по устоявшейся привычке незаметно спрятал его за пазуху и в предвкушении поспешил к своему любимцу.

Однако еще издалека он заметил неладное: на востоке клубились тяжелые иссиня-черные тучи. Ослепительно-белые молнии с треском рассекали небосвод, свирепо и слепо хлеща по

склонам, словно гигантская сияющая сеть, опустившаяся на гору Фуцуй.

Раскаты грома, следовавшие один за другим без малейшей передышки, сотрясали землю. Горы дрожали, вековые деревья испуганно гнулись к самой земле. Зрелище было поистине устрашающим.

Кайян недоумевал. Он быстро подсчитал сроки: Небесная кара настигает земных духов раз в пятьсот лет. Его питомцу едва исполнилось восемьсот, так что до следующего испытания оставалось еще добрых два века.

Да и во всей округе Фуцуй не водилось тварей, способных разгневать небеса столь яростным шквалом. Происходящее казалось не просто странным, а зловещим.

Не теряя времени на бесплодные раздумья, Кайян устремился к пылающим склонам.

Вдруг небеса расколол оглушительный взрыв. Девять столпов ослепительного священного пламени пробили облака и обрушились прямо на вершину горы.

В то же мгновение вспыхнул яростный пожар. Клубы удушливого дыма взметнулись к облакам, затмевая солнце; мир вокруг погрузился в непроглядный, зловещий мрак.

Метавшиеся в панике лесные звери оглашали окрестности истошным воем, слепо бросаясь прямо в огонь в тщетных попытках спастись.

Прошло едва ли несколько минут, как гроыхнуло вновь — да так, словно целая скала рухнула в морскую пучину. Гора Фуцуй содрогнулась, вздымая к небесам тучи вековой пыли.

Селевые потоки и обломки камней с грохотом покатались вниз, точно мифический великан Гунгун сокрушил священную опору неба — гору Бучжоу.

Раскинувшийся у подножия городок Фуцуй в мгновение ока исчез под лавиной грунта и валунов. Тысячи жителей даже не успели понять, что происходит, как оказались погребены заживо.

Когда пелена пыли наконец рассеялась, взору Кайяна предстала жуткая картина: священная гора была расколота надвое гигантской трещиной.

Образовавшаяся между обрывами котловина напоминала огромную чашу, дочерна выжженную небесным огнем и усыпанную обугленной крошкой.

Куда ни кинь взгляд — повсюду громоздились руины и тлен. Окрестности превратились в сущий ад.

От некогда густых лесов остались лишь обугленные щепки. В перемешанной с золой земле виднелись клочья плоти и обрубки тел несчастных лесных обитателей. Воздух пропитался удушливой гарью и сладковатым металлическим запахом свежей крови.

Посреди этого пепелища, грозно сверкая серебряными доспехами, стоял отряд небесных воинов. Они замерли с копьями и алебардами наперевес, олицетворяя собой непреклонную волю небес.

В небесах все еще ворчал гром — глухо, угрожающе, словно предупреждая всякого, кто посмеет вмешаться.

В самом центре этого кольца, окруженная стражей, высилась хрупкая фигура в нежно-розовом одеянии. При виде него Кайян почувствовал, как сжалось сердце.

Какую беду мог навлечь этот бесхитростный и добрый глупыш, раз против него снарядили целое войско и обрушили гнев девяти небес? Не раздумывая больше, Кайян стремительно опустил на выжженную землю.

— Я исполняю волю Тянь-ди: караю мятежного демона! Прошу почтенного небожителя не мешать! — Тяньпэн сделал шаг вперед, преграждая Кайяну путь.

Огромный, сажений в плечах, с суровым взглядом из-под густых бровей и буйной черной бородой, закрывавшей едва ли не половину лица, он выглядел невероятно грозно.

Его зычный голос прозвучал подобно удару колокола. Кайян от неожиданности вздрогнул, оступился на обугленной ветке и едва не упал. Спешно вернув себе невозмутимый вид, он мягко улыбнулся маршалу:

— Осмелюсь спросить, почтенный воитель, чем провинился этот жалкий Ляньхуа-цзин, раз сам Тяньпэн снизошел до мира смертных ради его усмирения?

Близкой дружбы между ними никогда не водилось, однако они верой и правдой служили одному престолу уже не одну тысячу лет и прекрасно знали друг друга.

Кайян прекрасно понимал характер воителя: Тяньпэн был прямодушен, грубоват, но честен. Его единственным изъяном оставалась слепая преданность букве небесного закона. Обвести вокруг пальца такого служаку было куда проще, чем изворотливого и подозрительного Яогуана.

— Не вижу причин скрывать это от вас, уважаемый, — Тяньпэн тяжело вздохнул, сделав шаг ближе. — Принцесса Яо Цзи тайно сошлась со смертным по имени Ян Тянью и родила от него троих детей. Да Цзинью получил приказ истребить всё семя незаконного союза и вернуть принцессу на небо.

— Однако средний сын, мальчишка Ян Цзянь, сумел ускользнуть и укрылся здесь, на горе Фуцуй. Ляньхуа-цзин мало того что наотрез отказался выдать беглеца, так еще и убил Да Цзиньчу!

— Тянь-ди в ярости. Он повелел стереть этого дерзкого наглеца в порошок, лишив его права на перерождение, — Тяньпэн наклонился к самому уху Кайяна, обдав его жаром своего дыхания.

— Мне известно, что вас связывали приятельские узы, — понизив голос до глухого рокота, добавил маршал, — но воля Тянь-ди священна. Прошу вас, не вмешивайтесь. Не усложняйте мне службу и не навлекайте на себя гнев Владыки.

— Разумеется, я и помыслить не смею о том, чтобы чинить препятствия императорской воле, — примирительно улыбнулся Кайян. — Но мы знали с этим глупцом долгие годы, и у него осталась пара моих безделушек, которые мне бы хотелось забрать. Это займет всего мгновение, будьте так добры, позвольте мне подойти к нему.

Тяньпэн нахмурился, в его глазах промелькнуло сомнение:

— Но...

— Наш Тянь-ди желает лишь смерти бунтовщика, — вкрадчиво прошептал Кайян. — До такой малости ему дела точно не будет.

Тяньпэн еще немного поколебался, но все же кивнул:

— Ладно. Только поспешите.

— Премного благодарен, — Кайян слегка склонил голову в изящном поклоне и неспешно направился к осужденному. Оказавшись рядом, он слегка наклонил голову набок, с легким любопытством разглядывая Ляньхуа-цзина.

Тот был изранен. Смертельно бледное лицо казалось почти прозрачным, а из уголка рта тонкой струйкой бежала алая кровь. Капли падали на его нежно-розовое одеяние с широкими рукавами, расплываясь по шелку узорами, похожими на бутоны дикой сливы.

Заметив приближение Кайяна, дух испуганно вскинул руку, пытаясь стереть кровь с лица, и измученно улыбнулся:

— Не думал, что перед смертью увижу тебя снова... Теперь мне и умирать не так страшно.

— Ну и дурак же ты, — тихо вздохнул Кайян, качая головой. — О чем ты думал, когда пошел против воли Владыки? Зачем убил Да Цзиньчу?

— Я просто не мог смотреть на их жестокость, — упрямо вскинул подбородок Ляньхуа-цзин. — Они ведь хотели убить ребенка! Совсем еще дитя...

— И что теперь? Страшно?

— Немного, — честно признался тот.

Взгляд Кайяна потеплел, наполнившись мягкостью:

— Не бойся. Я ведь обещал, что всегда защищу тебя.

Ляньхуа-цзин на миг застыл, не веря своим ушам, а затем его бледное лицо озарила счастливая, искренняя улыбка.

«Не бойся, я всегда защищу тебя...»

О, как давно Кайян впервые произнес эти слова?

Триста лет назад, во время его первого испытания грозой, когда молнии готовы были разорвать новорожденную душу на части. Кайян явился прямо из грозовых туч, крепко сжал его дрожащую руку и успокоил этим простым обещанием.

В тот день дух не пострадал — Кайян принял весь удар небесного гнева на себя, после чего долго зализывал раны в своих покоях.

— Кайян, на этот раз... — он хотел сказать, чтобы тот уходил и не пытался его спасти.

Ведь против воли Тянь-ди не пойдешь, и глупо было бы погибнуть вдвоем.

Но договорить он не успел — грудь пронзила такая дикая боль, что воздух застрял в горле.

В ужасе опустив взгляд, Ляньхуа-цзин увидел, что тонкие пальцы Кайяна погрузились глубоко в его грудную клетку и теперь медленно вытягивают оттуда слабо мерцающую багряную сферу.

Его душу. Его жизненную эссенцию!

Кайян безжалостно вырывал его изначальный дух!

Лицо несчастного стало мертвенно-серым. Он оцепенело смотрел на своего покровителя, и в его взгляде мешались недоумение, неверие, гнев и смертная тоска, застывая взор пеленой

слез.

Разорванная грудь горела огнем, волны мучительной боли накатывали одна за другой.

Но куда страшнее была рана душевная. Этот удар Кайян нанес в самое сердце.

Едва шевеля белыми губами, дух вытолкнул хриплый шепот:

— За... зачем?

Сквозь туман, застилавший взор, он видел лишь равнодушную, привычную улыбку Кайяна. Голос того прозвучал все так же лениво и небрежно:

— Раз уж ты прогневал Тянь-ди, живым тебе все равно не уйти. Я вложил слишком много сил в то, чтобы взрастить твою душу, не пропадать же добру даром? Заберу ее, сварю отличное снадобье бессмертия.

— Так все это время... ты был со мной лишь ради того, чтобы дожидаться этого дня и пустить мою душу на зелье? — Ляньхуа-цзин в ужасе широко распахнул глаза.

Кайян преспокойно кивнул:

— Конечно. А иначе зачем мне, по-твоему, сдался какой-то мелкий лесной демон?

Зажимая руками хлещущую из груди кровь, дух затрясся всем телом:

— Твоя забота... ласка... Всё это было ложью?

Кайян лишь мягко улыбнулся в ответ, но это молчание ранило сильнее любых слов. Ответ, лишаящий последней надежды, явственно читался в его глазах.

— Прекрасно... как же это прекрасно, — задыхаясь, дух попятился назад. На его прекрасном лице отразилась бездонная пучина гнева и боли. — А ведь я верил тебе... любил тебя всем сердцем!

— Ну, я тоже не обижал тебя все эти годы. Не могу же я остаться в убытке.

Ляньхуа-цзин посмотрел на предателя. В его взгляде вспыхнула такая яростная ненависть, что Кайяну на миг стало не по себе. Чекая каждое слово, дух процедил сквозь зубы:

— Кайян... Если есть на свете перерождение... клянусь, пусть даже мне придется пойти против законов Неба и Земли, против всего живого в трех мирах и шести путях... я найду тебя и уничтожу!

Последнее слово эхом разнеслось над ущельем. Фигура юноши внезапно растаяла в воздухе, а на землю упал огромный розовый бутон лотоса. На глазах у Кайяна нежные лепестки поблекли, почернели и рассыпались сухим пеплом.

Кайян молча смотрел на серую труху у своих ног. Улыбка так и не сошла с его губ, и никто во всем мире не смог бы угадать, какая буря бушевала в тот миг у него в душе.

Эту легенду Ло Кэ слышал от бабушки еще в раннем детстве, поэтому многие подробности давно стерлись из его памяти.

— Значит, Кайян своими руками убил Ляньхуа-цзина? — потрясенно переспросил Е Си.

— Не убил бы он — прикончил бы Тяньпэн, — Ло Кэ лениво откинулся на спинку стула, безразлично вертя в пальцах куклу-марионетку. — Кайян просто решил, что ценной добыче не стоит пропадать.

— Но они же были друзьями... — Е Си сокрушенно покачал головой. — Как только рука поднялась?

<http://bllate.org/book/18180/1756700>